

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 413 E. 14th St., New York, N. Y.

КАК НАЧИНАЛСЯ МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВИШНЕВСКОГО)

I.

22-го июня 1897 года, в кабине московского ресторана «Славянский Базар» сидели двое: первый — Константин Сергеевич Алексеев, по сцене Станиславский, один из вождей «Общества искусства и литературы»; второй — известный драматург Владимир Иванович Немирович-Данченко, преподаватель драматических курсов московской Филармонии, ставивший пьесы в Малом театре.

Разговор, занявший 18 часов, шел о театре.

Из двух встретившихся один тосковал по иной режиссуре, другой — по иному репертуару. Станиславский мечтал о каком-то новом приложении мейнингенства, Немирович-Данченко — об осуществлении на сцене Ибсена и Чехова.

Надо отметить, что тогда, на заре нового театра, Станиславский не вполне разделял репертуарные увлечения Немировича-Данченко. И высшая любовь последнего, Чехов, была ему первому непонятна.

— «Чайка»? Да разве можно это играть? Я ничего не понимаю, — так отвечал Станиславский своему союзнику.

В течение двух недель несколько часов сряду старался Владимир Иванович обратить Станиславского в чеховскую веру, и все же уехал Константин Сергеевич, до конца не приняв своим сердцем все еще чуждую ему «Чайку». Но вот поразительный пример режиссерской интуиции Станиславского: оставаясь все еще равнодушным к Чехову, он присылал такой богатый, полный оригинальности и глубокий материал для постановки «Чайки», что Немирович-Данченко приходил в восторг.

В течение года Станиславский и Немирович-Данченко разрабатывали план театра, его репертуар, его строй.

Немирович-Данченко и Станиславский решили объездить несколько богатых московичей, в которых надеялись встретить сочувствие своему плану. Капиталу набралось 25 - 27 тыс. рублей. Стали составлять труппу. Главные зерно составили, с одной стороны, члены «Общества искусства и литературы», в числе которых были М. П. Лилина, М. Ф. Андреева, М. А. Самарова, В. В. Луцкий, А. Р. Артем, А. А. Санин, Г. С. Бурджалов, Н. Г. Александров, а с другой

стороны — ученики Немировича-Данченко по Филармонии: О. Л. Книппер, М. Г. Савацкая, И. М. Москвин, В. Э. Мейерхольд и др. Это было зерно, но труппа была неполна. Кроме того, были приглашены в труппу актеры, уже имевшие известную сценическую репутацию: М. Е. Дарский и Я. Потом стали думать, в каком из свободных московских театров устроиться. Выбор остановился на театре «Парадиз» («Интернациональном»). Уже все было договорено. Станиславский и Немирович-Данченко поехали подписывать условие. Но по дороге, на извозчике, вдруг взяло их сомнение, годится ли этот театр.

— Мы остановились, — рассказывал мне Немирович-Данченко, — слезли с извозчика и, стоя на улице, стали обсуждать. Тут же решили в «Парадиз» не ехать, а отправиться в Каретный ряд к Щукину.

II.

В Пушкине, при даче Н. Н. Архипова (впоследствии режиссера Арбатова), был небольшой сарай, который был нам предоставлен для репетиций. Он был превращен в

скромнейший, но милый, уютный репетиционный театр. Этот сарай — истинная колыбель Художественного театра. Она была открыта 14-го июля.

Лето было страшно жаркое, крыша у театра — железная. Но актеры почти не выходили из него. Репетиции начинались в полдень, продолжались до четырех, возобновлялись в 7 час. и затягивались до полуночи. Нередко шли параллельно две репетиции: одна на сцене театра, а другая где-нибудь в лесу или в поле.

Станиславский жил в десяти верстах, в имении своих родных, и приезжал каждый день. Владимир Иванович в первое время исключительно занимался со своим бывшим учеником по Филармонии Москвиным. Тот трогательный образ «слабого царя», который создан артистом, принадлежит толкованию Владимира Ивановича. Со всеми остальными исполнителями работал Константин Сергеевич. Народные сцены налаживал А. А. Санин. В Ивановке художником В. А. Симовым писались декорации и делались бутафории. В Любимовке, на даче Константина Сергеевича, М. П. Лилина и М. П. Григорьева с помощниками вышивали великолепные боярские воротники и головные уборы. Художник Я. И. Гремиславский готовил галерею характерных боярских гримов.

Работа кипела, энергичная, дружная. Никто ничем не гну

шался. Будущие премьеры ставили самовары, мыли полы, плотничали, малярничали. Все было в радостном возбуждении — даже исполнители маленьких безсловесных ролей. Тогда у нас было такое правило, что выходные роли исполнялись всеми незанятыми в пьесе актерами. Сознание, что мы все делаем одно большое художественное дело, воодушевляло всех нас.

Газеты издевались над нашими руководителями, которые пытались с кучкой учеников, любителей и провинциальных актеров конкурировать с таким театром, как Малый и Коршеский. Помню, одна заметка кончалась так: «Не правда ли, что эта затея взрослых наивных людей: фантазия богатого купца — любителя Алексеева (Станиславского) и бред литератора Немировича-Данченко?».

III.

В августе пошли дожди, и молодая труппа перебралась в Москву.

Щукинский театр («Эрмитаж») в Каретном ряду, где еще театр АГСПС, был еще далеко не готов. Невеселая картина предстала участникам Художественного, или, как тогда именовали, Художественно-Общественного театра. В закрытом театре только что кончился летний сезон. Всюду грязь, сырость, стукотня, — полный разгром. Все приходилось переделывать: сцену, зрительный зал, уборные для артистов. «Я пом

ню», — рассказывает Владимир Иванович, — как долго пришлось мне выветривать свой кабинет, чтобы изгнать винные испарения». Было холодно и темно. Первая черновая генеральная репетиция происходила при свечах и фонарях. И только под конец Владимиру Ивановичу удалось наладить машину и создать приятную обстановку для работы.

Наступила среда 14 октября 1898 года.

Я живо помню узкую, длинную залу «Эрмитажа». Помню те настроения, с которыми пришла сюда «вся Москва». Попытка многим казалась чуть что не дерзостью. Первые картины принимались публикой с большим скептицизмом. И лишь понемногу скептицизм, по крайней мере, в части зрительного зала уступил место увлечению.

Публика была захвачена новым, невиданным зрелищем. Стало ясно, что режиссеры, действительно, сказали «новое слово».

Так случилось, что затея двух взрослых наивных людей превратилась в тот Художественный театр, которому суждено было занять такое важное место в истории сцены.

«Царь Федор» имел крупный успех. Публика повалила валом на спектакли...

**ЗАВТРА: ОТРЫВКИ
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ К.
С. СТАНИСЛАВСКОГО.**